КАТАЖИНА СОБИЯНЕК-ЗЕНТЕК

Лодзинский университет, Филологический факультет, Институт русистики, Кафедра литературы и культуры (Лодзь, Польша)

Братство света как мнимая антитеза «мясным машинам» в романе В. Г. Сорокина *Лед*

Роман *Лед*, опубликованный издательством «Ad Marginem» в 2002 году, является первой частью ледяной трилогии В. Г. Сорокина, которая способствовала распространению его творчества среди массового читателя. Как предсказал Б. Соколов: «у романа будет максимум читателей. Его прочтут фанаты *Мастера и Маргариты* и поклонники Марининой, и по-своему, хотя и на разных уровнях, сумеют понять *Лед*» (Соколов 2005: 133). И. П. Смирнов, как бы дополняя мысль Соколова, подчеркивает, что «*Лед* щедро распахнут для множества толкований, как и полагается большой литературе» (Соколов 2005: 206). В. Шевцов и А. Грохов увидели, в свою очередь, в произведениях *Лед* и *Путь Бро* – вторая часть трилогии, «возвращение в классицизм, выбор старомодности, но уже не только в смысле фундамента нарратива и манеры словоплетения, но и в смысле мировоззрения и месседжа» (Соколов 2005: 191). Члены пропрезидентского молодежного движения «Идущие вместе», напоминающее комсомольцев и способы функционирования этой политической молодежной организации, резко отреагировали на «ледяной текст» и «Голубое сало», подавая на Сорокина в суд за порнографию и за оскорбление исторических личностей (Соколов 2005: 11).

Несмотря на различные мнения литературоведов и крайние отклики критиков на *Лед* следует подчеркнуть, что роман является необычным текстом и переломным моментом в творческих достижениях писателя. По словам самого Сорокина «*Лед* – это первый для меня роман, где на первом месте не форма, а содержание. Хотя форма здесь тоже очень важна» (Соколов 2005: 128). До сих пор именно форма, артистический метод, словесная игра с читателем и стилистические переломы занимали для него, одного из самых ярких и наиболее значительных представителей русского постмодернизма¹, ведущее место.

¹ М. Липовецкий называет В. Сорокина и В. Пелевина «писателями поколения», которые «фиксируют – а то и формируют – фантазмы поколения; они наиболее чутки к бессозна-

А. Генис высказал мысль, что Сорокин «лучше всех освоил заповедь постмодернизма – писать на разных уровнях, причем так, что *верх* не отменяет *низа*, а *низ* не компрометирует *верха*» (Генис 2003: 108). Писатель в своих текстах пытается соединить высокое и низкое и образовать гармонию между двумя противоположными стилями, что представляет для него «некий диалектический акт и выливается в симбиоз текстовых пластов» (Липовецкий 2008: 262). Безусловно, несмотря на стремление к текстовому «симбиозу» эффект взрыва и шока, попытка провоцировать читателя вписаны в художественный почерк Сорокина.

Несомненно, все это отражается в романе, но здесь присутствует еще нечто большее – метафизика. В повествовании Сорокина слышен романтический голос, который размышляет над человеческой природой, над сутью человеческой жизни. В романе поставлены универсальные вопросы о бытии человека в современном мире, о влиянии цивилизации на существование человека как индивидуальности и состоянии его души.

Толкование романа можно рассматривать на различных уровнях. Как убеждает Б. Соколов, возможны различные интерпретации *Льда* и ассоциации, которые вызывает *братство света*. Оно может быть отождествлено, в том числе,

с архаическим тайным союзом посвящаемых; и со стражами из платоновской «Политейи»; и с апостолами, разносившими по свету христианство; и с мистическими сектантами, умерщвлявшими плоть; и с пуританами, ожидавшими, что на них снизойдет Божья благодать, неизвестно на кого именно; и с масонами (Соколов 2005: 210).

В настоящей статье сосредоточим наше внимание на двух аспектах: взаимосвязи высокой идеи света и тоталитарного начала, а также на исследовании состояния современной человеческой природы под действием цивилизации. Одним из важнейших понятий, которое прозвучит в проведенном анализе и которое воплотилось в литературную ткань произведения Сорокина является *феномен насилия и жестокости*. Они подразумеваются как на чисто физическом уровне, что можно легко обнаружить в жестоких сценах издевательства над человеческим телом, так и в глубоко психологическом и антропологическом планах. Оказывается, что вопрос, так сильно увлекающий и тревожащий писателя, исходит корнями в глубину человеческой природы.

тельными страхам и желаниям своих современников, им удастся артикулировать общие для своей генерации социальные травмы» (с. 408). Литературный критик посвящает «поколению P.S.» две главы своей фундаментальной работы, разрабатывающей динамику русского постмодернизма и процесс трансформации модернизма в постмодернизм и дальнейших преобразований в литературном процессе. См.: Липовецкий М. Н. (2008), *Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*, Москва, с. 407–452; с. 613–681.

Ключевым, на наш взгляд, понятием в идейно-стилистическом плане, на котором строится роман, является бинарная оппозиция, антитеза: «братство света» – «мясные машины». Яркое противопоставление выражается в способе жизни и мировоззрении обыкновенных земных жителей и избранных света, на экзистенциальном и на языковом уровнях. Здесь низкое (земное) встречается с высоким (космическим), причем первенство приписывается космическому. *Высокое* активно действует, чтобы покорить внешнюю оболочку землян и ее примитивное существование и освободить живое сердце, страстно желающее заговорить на настоящем языке. Между составными антитезы нет точки соприкосновения, хотя они сосуществуют рядом.

Итак, *братство света* представляет собой двадцать три тысячи световых лучей, которые образовали Свет Изначальный, сияющий в Абсолютной Пустоте. Когда они хотели создать новый мир, объединялись в Божественном Круге Света и в его центр направляли импульсы, сотворяющие новые планеты, звезды и галактики. Одной из созданных ими планет была Земля, покрытая водой, в которой *божественные лучи* отразились и потеряли Свет, воплотившись в живые существа. Эта была «Великая Ошибка Света» (с. 743)². Они стали людьми, а люди же

размножились и покрыли Землю. Они стали жить умом, закабалив себя в плоти (...) Слепые и бессердечные, они становились все более жестокими. Они создавали оружие и машины. Они убивали и рожали, рожали и убивали. И превратились в ходячих мертвецов (с. 743).

Задача братства состоит в том, чтобы искать и найти всех *своих*, пробудить их сердца к новой жизни, объединиться, стать в световом кольце и одновременно произнести 23 сердечных слова. Тогда возникнет Свет Изначальный и ошибка будет исправлена – Земля растворится в Свете. Эта высшая идея является ведущей и ее воплощение в жизнь достигается с помощью определенных процедур. Пробуждение спящих сердец происходит посредством удара *мертвецов* в грудь ледяным молотом. Если сердце оказывается живым, оно под влиянием льда космического происхождения начинает говорить на своем первичном языке и пробужденный становится членом братства. Если питанный оказывался *пустым*, он не обращал больше внимания световых существ. Он умирал, вызывая лишь разочарование и негодование у палачей от потерянных даром сил и времени:

Мы работали как одержимые: ледяные молоты свистели, трескали кости, стояли и выли люди. Внизу, этажом ниже непрерывно гремели выстрелы – там добивали пустышек. Их было как всегда – 99%. И только один процент составляли живые. Но сколько радости доставляли нам эти единицы из сотен! (с. 761).

² Все цитаты в статье приводятся из издания: Сорокин В. (2002), *Собрание сочинений*: т. 3, Москва, с. 603–814.

И в другом месте: «Остальное было делом Мир, Зу и Шро. Их ножи почти ежедневно прерывали бессмысленное существование очередной мясной машины, память которой могла навредить нам. Мы были безжалостны к живым мертвецам» (с. 773).

Стоит здесь обратить внимание на жестокость и насилие, характеризующие сцены пыток, беспощадность братства и механическое, бесцеремонное отношение к «пустышкам». В этом они напоминают спецслужбы: ведут поиски подозрительных (определенную группу людей, отвечающую критерию: голубоглазые блондины) с помощью доступных средств информации, находят их и привозят на место допроса, подвергают их пыткам, в результате которых пытаные умирают сами или им помогают умереть, или как блаженные и избранные переходят на сторону братства, становясь новыми палачами, выполняющими миссию «отделения зерна от плевел». Очередной процедурой было использование шарашек для обработки ледяных молотов, необходимых для проведения акта пробуждения, и создание лагерей в Сибири для добычи тунгусского «божественного льда», из которого изготавливались молоты. Выгодные и близкие отношения с властью помогали решать сложные вопросы, находить денежные средства, пропуски, доступ к тюрьмам и больницам, к нужному персоналу.

В процессе пробуждения мертвых заметна также сила крайних реакций и эмоций служителей Света. С одной стороны, видны равнодушие и презрение к *мертвым*, хладнокровное «просеивание человеческой породы» (с. 744), с другой – эйфория, если цель процедуры удачно завершена. Озвученные чувства-антиподы, свидетельствующие о амбивалентном восприятии окружающего и четком разграничении мира земного и космического, отражаются в языке героев и распространяются на весь текст. Противопоставление *свои* – *чужие* активно работает в сорокинском романе. Примерная характеристика, приписанная *своим* следующая:

(...) у нас, избранных, совсем другая любовь. Она огромна, как небо, и прекрасна, как Свет Начальный (...) Она глубока и сильна (с. 740); Он был СОВСЕМ ДРУГОЙ! Он был живым. Он не был машиной. Он был моим БРАТОМ. У него было СЕРДЦЕ (с. 767); Храм, сестра наша, подели с нами трапезу. Правило нашей семьи: не есть живое, не варить и не жарить пищу, не резать ее и не колоть. Ибо все это нарушает ее Космос (с. 738).

Момент пробуждения новых членов нередко поэтизируется и вызывает религиозные ассоциации. Сопутствующие ритуалу посвящения плач и рыдание, очищающие от стыда за прошлую жизнь, продолжаются семь дней. Они плачут как новорожденные, вышедшие из утробы матери и пробудившиеся к новой жизни. Отсюда старик Бро объясняет Храм³, что она никогда

³ Имена главных героев являются значимыми и говорящими. К примеру, имя Бро, которое в молодежном сленге толкуется как брат, дружеское обращение к другу или фами-

больше не будет плакать, а лишь радоваться, что луч Солнца, то есть Божественной Любви Света, только что коснулся ее сердца. Храм описывает, что «это было так сладко и жутко, что я просто умерла от счастья» (с. 740).

Чужие же характеризуются другими определениями: «живые мертвецы» (с. 773), «пустышки» (с. 761), «мясные машины» (с. 793), «мясо-машины» (с. 791), «пустозвон» (с. 605), «пустой» (с. 620), «они все начинают свою жизнь в гробах. Ибо мертвы от рождения» (с. 793). Высказывания членов братства, относящиеся к обыкновенным людям, всегда звучат негативно, всегда окрашены неприязнью, презрением и ненавистью, что явно диссонирует с высокой и чистой идеей, которую провозглашают и высоким стилем, которым пользуются в общении в своем кругу. Отличие проявляется также в принимаемой пище. Братство строго соблюдает вегетарианскую диету и защищает космическую гармонию, потребляя только «живые», переработанные продукты натуры. *Машины*, в свою очередь, поглощают мясо и, как варвары, заливаются «жирным хохотом» (с. 767).

В качестве дополнения ярким примером вышеуказанного противопоставления в пределах одного высказывания является следующий фрагмент разговора старика Бро с Храмом:

(...) и никогда они не заговорят сердцами.

– Почему?

– Потому что они живые трупы. Абсолютное большинство людей на нашей земле – ходячие мертвецы. Они рождаются мертвыми, женятся на мертвых, рожают мертвых, умирают; их мертвые дети рожают новых мертвецов, – и так из века в век. Это круговорот их мертвой жизни. Из него нет выхода. А мы живые. Мы избранные. Мы знаем что такое язык сердца, на котором уже с тобой говорили. И знаем, что такое любовь. Настоящая Божественная Любовь⁴ (с. 739).

лярное – к незнакомому человеку; представляет собой сокращенную форму английского слова «brother»; см.: Бро [в:] <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang/b/bro.html>, <http://voprosurn.ru/bro-kto-takoj-bro>, 06.2014). В романе Бро является первым пробудившимся лучем Света, участником экспедиции в Сибирь, организованной с целью поиска тунгусского Льда, братом всех светлых братьев и сестер, разбросанных по миру. *Брат* подчеркивает семейные и близкие отношения между избранными. У Храма особенные способности – она видит сердцем глубину человека, его боязнь, желания, стремления и мрачные секреты. Она интуитивно чувствует своих. С помощью объяснения значения этого слова приходит «Толковый словарь Ефремовой», который объясняет храм в переносном смысле как «сферу высоких духовных ценностей» (см.: Храм, [в:] *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка* (2000), ред. Т. Ф. Ефремова, Москва; efremova-online.ru/slovar-efremovoy/xram/117329/, 06.2014). В романе Храм выполняет роль именно сокровищницы идеи Света.

⁴ Стоит, на наш взгляд, в этом месте упомянуть о великолепном монологе Д. Стенки (воплотившейся в роль Храма), в который вошли именно эти слова. Премьера *Льда* в постановке известного режиссера-provokatora К. Богомолова, при поддержке польского института Адама Мицкевича, состоялась 25 января 2014 г. в Национальном театре Варшавы. Об этом читай в: А. Крижевский, Спектакль из трех букв, Варшава 27.01.2014, [в:]

Сорокин напоминает читателям, что «любая тоталитарная практика, начинающая от государства и кончающаяся тоталитарными сектами, это – идея отбора. Это деление мира на наших и на остальных» (Юнггрен, Роткирх 2009: 96). Отсюда в романе *Лед* разделение на *живых* и *мертвых*, на *своих* и *чужих*, на *земное* и *космическое*, на *высокое* и *низкое*, и последствия этой антитезы, провозглашенной голубоглазыми блондинами: прием селекции, узаконение насилия и равнодушия, расчетливости и ницшевской концепции сверхчеловека. Идея избранничества и глубокое убеждение о своей превосходности были основанием для реализации своей задачи с помощью тоталитарного оружия. Важна высшая идея, идея Изначального Света и поиск членов братства, говорящего на языке сердца и только внешне напоминающего человеческий род. Характерно, что братство пользуется возвышенной лексикой, говоря о божественном лед, их великой миссии, о чистом сердце, о пробуждении к новой жизни. Например:

И пошли искать себе подобных (с. 744); Ты уже готова к служению великой идее (с. 742); мы прилетели в дождливую сентябрьскую столицу, готовые в новом подвиге во имя Света... (с. 768).

И для контраста о *мясных машинах*:

И впервые в жизни я не увидела человеческих лиц. Это были морды мясных машин (с. 767).

Контрастное составление их живого признака с земным миром и его мертвыми жителями дает очевидную негативную оценку восприятия окружающего и укрепляет мотивировку криминальных и жестоких действий. Поэтому они дают себе право убивать примитивных существ, у которых спящие мясные сердца и подвергать их пыткам, красть и использовать государственный аппарат, приспособив привилегии и орудия власти (в кругах братства нашлись также высокопоставленные лица) к своим текущим нуждам.

Для отправки наших в разные города нужны были деньги, много денег (...) В нужный момент по моему сигналу Зу застрелил охранника, Шро перерезал горло инкассатору, а Мир выхватил из его рук мешок с деньгами» (с. 733); Теперь у нее не было материальных проблем. Как у нас всех (с. 755).

– объясняет Храм. В этом можно усматривать хитрость и мнимость антитезы, названной в теме нынешней статьи. Кто на самом деле является варваром и убийцей, крайне циничным критиканом человеческого рода

и машиной, запрограммированной на достижение назначенной цели? Безжалостность и отсутствие милосердия, которому столько же уделил внимания С. Булгаков в романе *Мастер и Маргарита*, отрицают гуманные ценности и именно возвышенное и высокое начало. В «детях Света» можно еще попытаться найти платоновскую красоту и правду, но категории добра найти невозможно.

Затронутая тема власти и заметного присутствия насилия в истории человечества и общественной жизни сильно занимает Сорокина, который пытается в своем творчестве озвучить этот феномен и до определенной степени с ним справиться. «Почему люди не могут обойтись без насилия? Почему они не могут не убивать? Для меня это загадка. Я об этом пытаюсь говорить в литературной форме» – констатирует писатель (Юнггрен, Роткирх 2009: 94). Об этом он говорит в антиутопии *День опричника*, в романе *Сахарный Кремль*, в рассказе *Заплыв*, в романе *Голубое сало*, в ледяной трилогии.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что несомненно автора *Метели* беспокоит присутствие жестокости и насилия в мире и в человеке, однако в первую очередь его тревожит и захватывает сам человек, человек как личность в современном мире. Он не дает четких указаний или ясных ответов, но дает толчок читателям к размышлениям и к расчету по совести. Постмодернистский «романтик» дергает нашу душу, спрашивая: людьми сердца являемся ли мы, способными любить, сочувствовать, глубоко ощущать и по-настоящему жить? Или все-таки больше напоминаем мясные машины, которые гонятся за денежными средствами, конформизмом и живущие в ритуальном кругу повседневной, плотской жизни?

В романе *Лед* Сорокин выражает с помощью выразительных художественных средств свое разочарование современной цивилизацией и

на весь XX век с его идеей *ready made*, массового потребления, среднего вкуса и массового производства, который превратил людей в «мясные машины». Если это помножить на тотальный атеизм, который надвигается на нас, то человек становится деталью этой машины и теряет свой космизм и свой божественный образ (Юнггрен, Роткирх 2009: 97).

Писателя пугает явление современной унификации и победа среднего человека со средними запросами и средними возможностями, на котором держались режимы. Эту существенную в своем творчестве идею Сорокин воплотил в ледяную трилогию, используя, в том числе, антонимическую пару: «братство Света» – «мясные машины». На наш взгляд, до некоторой степени мнимую, что мы и попытались представить в настоящей статье.

Библиография

- Генис А. (2003), *Расследования. Том 2*, Екатеринбург, с. 98–109.
- Крижевский А. (27.01.2014), *Спектакль из трех букв*, Варшава, [в:] http://www.gazeta.ru/culture/2014/01/27/a_5868441.shtml, 06.2014.
- Липовецкий М. Н. (2008), *Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов*, Москва, с. 407–452; с. 613–681.
- Новый толково-словообразовательный словарь русского языка* (2000), ред. Т. Ф. Ефремова, Москва, [в:] efremova-online.ru, 06.2014.
- Одиннадцать бесед о современной русской прозе. Интервью Кристины Роткирх* (2009), ред. Анна Юнгтрен и Кристина Роткирх, Москва, с. 89–99.
- Соколов Б. (2005), *Моя книга о Владимире Сорокине*, Москва.
- Сорокин В. (2002), *Собрание сочинений. Том 3*, Москва, с. 603–814.
- http://www.narodowy.pl/spektakl_szczegoly/?s=8390, 06.2014.
- <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang/b/bro.html>, 06.2014.
- <http://voprosurn.ru/bro-kto-takoj-bro>, 06.2014.

Katarzyna Sobijanek-Ziętek

«Brotherhood of light» as an illusive antithesis to «meat machines» in Vladimir Sorokin's novel «Ice»

Summary

The aim of the paper is to present an illusive antithesis «brotherhood of light» – «meat machines» in Vladimir Sorokin's novel «Ice» that begins epic «Ice Trilogy». The novel takes a special place in Russian postmodernist's works. Not only artistic solutions and shocking stylistic scenes, which are typical for writer's manner of expression, but also the content play significant role in the «Ice». The author of the paper intends to outline both sides of the antithesis. In reference with the text there are analysed motives and deep sense of blue-eyed and invariably blond group which provides selection of mankind, using magic ice hammers, and exterminates ones not similar to them. According to *rays of light* «meat machines» are ordinary people who lead mechanic and primitive life, whose hearts are dead and unable to talk in the language of heart. As a contrast, «the brotherhood of light» are cosmic creatures which try to reunite in the circle of Original Lightness. Sorokin, the stylistic virtuoso and master of provocation, using his powerful artistic technic aspires to criticise in the novel a contemporary unifying of human life and remind us that we are spiritual and unique beings.